

С. Н. Ковалев¹

ВЫМЫСЛЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОЦЕНОК РОЛИ СССР НАКАНУНЕ И С НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Оценка роли СССР в событиях кануна и начала Второй мировой войны длительное время является темой обсуждения политиков, ученых, специалистов и общественности. Сегодня в зарубежных СМИ все чаще появляются мнения о том, что «началась новая холодная война»². В русле подобного взгляда на исторический процесс лежат попытки представить Советский Союз зачинщиком Второй мировой войны, или, в крайнем случае, возложить равную ответственность за ее развязывание на «двух кровавых диктаторов» — Сталина и Гитлера, используя в качестве аргумента подписание 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Исторические факты следует рассматривать и оценивать только в контексте происходившего в конкретный период времени. Анализируя советско-германский договор, нельзя забывать и о другом соглашении, заключенном без малого за год до него, в Мюнхене. Эти события тесно взаимосвязаны.

Общезвестно, что поводом к началу Второй мировой войны послужил отказ Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, связывающих Восточную Пруссию с основной частью Германии³. Первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы⁴, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчет дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались.

Поэтому когда Германия 24 октября 1938 г. предложила Польше урегулировать проблемы Данцига⁵, казалось, ничто не предвещало осложнений. Однако ответом стал решительный отказ. Стремясь получить статус великой державы, Польша никоим образом не желала становиться младшим партнером Германии. Ответом с германской стороны стало аннулирование 28 апреля германо-польской декларации 1934 г. о дружбе и ненападении⁶.

Тем временем западные демократии создавали у польского правительства необоснованные иллюзии, что в случае войны они окажут Варшаве необходимую помощь. Как показали дальнейшие события, обещания европейских политиков, включая государственных деятелей самого высокого ранга, были заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и потому все больше утрачивало чувство реальности.

Происходившие в Европе события и нарастающая агрессивность Германии не могли не вызывать беспокойства советского руководства. Казалось бы, для сдерживания Гитлера следовало пойти на союз с западными демократиями. Однако, как отмечал У. Черчилль, «Мюнхен и многое другое убедили советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку»⁷. Было очевидно, что цель проводимой западными державами политики «умиротворения» Гитлера — направить агрессию Германии на Восток, то есть против СССР.

В этой ситуации советское руководство сделало естественный вывод — сотрудничать с Англией и Францией можно, только заручившись военным договором с четко и недвусмысленно прописанными обязательствами сторон. 17 апреля 1939 г. Москва предложила заключить англо-франко-советский договор о взаимопомощи, в котором, среди прочего, была статья о том, что Англия, Франция, СССР обязывались оказывать всяческую, включая военную, помощь восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

Однако западных партнеров подобная постановка вопроса явно не устраивала. 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс заявил, что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения»⁸. Англия и Франция надеялись получить от Советского Союза односторонние обязательства.

6 мая 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов сообщил в НКВД о реакции немецкой печати в связи со сменой наркома, которая пыталась «создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желательном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т. п.)»⁹. Поступали от Германии и другие сигналы о готовности начать сближение с Россией, но В. М. Молотов реагировать на них не торопился. Он продолжал вести активные переговоры с Францией и Великобританией, но наталкивался

¹ Начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук.

² <http://www.inosmi.ru/translation/239456.html>.

³ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 285.

⁴ В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95 % были немцами. См.: Бол. сов. энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 20. С. 414.

⁵ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 285.

⁶ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 2: 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. С. 392.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 173.

⁸ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 391.

⁹ Документы внешней политики [СССР]: 1939. М., 1992. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: Январь–август. С. 339.

на равнодушие, а то и прямую недобросовестность.

14 мая 1939 г. В. М. Молотов вызвал английского посла У. Сидса и вручил ему памятную записку, в которой говорилось: «Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимо: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая страны Прибалтики и Финляндии; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи»¹.

Только 25 июля английское, а 26 июля и французское правительство приняли предложение СССР приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву². Переговоры начались 12 августа.

Все перипетии этих переговоров известны. Нет смысла еще раз повторять ход завершившихся безрезультатно переговоров. Следует обратить особое внимание на реальные цели, которые преследовали стороны. Так, инструкция для отправлявшейся в Москву британской делегации прямым текстом предписывала «вести переговоры весьма медленно»³, стараясь избегать конкретных обязательств: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулками»⁴.

Совершенно другой была позиция советского руководства. Глава французской делегации генерал Думенк, докладывая о ходе переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 г. констатировал: «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения»⁵.

Главным камнем преткновения стал вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. Дело в том, что на тот момент СССР не имел общей границы с Германией. Поэтому было непонятно, каким образом в случае начала войны советские войска смогут вступить в боевое соприкосновение с германской армией. На заседании военных делегаций 14 августа 1939 г. Ворошилов задал по этому поводу конкретный вопрос: «В общем

абрис весь понятен, но положение вооруженных сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе»⁶. Для того чтобы Красная армия могла с первых же дней войны принять участие в боевых действиях, советские войска должны были пройти через польскую территорию, причем зоны прохода предполагалось строго оговорить.

Однако поляки об этом и слышать не хотели. Так, вечером 19 августа 1940 г. маршал Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁷. А министр иностранных дел Польши Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками»⁸.

В ходе военных переговоров с Великобританией и Францией советское руководство еще раз убедилось в справедливости слов одного из литовских дипломатов, на которого ссылался в своем дневнике Г. А. Астахов, что «в случае войны СССР будет нести на себе основную тяжесть жертв, в то время как Англия и Франция закопаются в землю и будут ограничиваться перестрелкой и пусканием ракет. Решающих действий на западном фронте не произойдет»⁹. Не добившись толку от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией.

Что касается моральной точки зрения, следует отметить, что никакие представители Западной демократии не имеют права на моральное осуждение договора СССР с Германией. Как справедливо заметил американский журналист У. Ширер, «если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 г. Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?»¹⁰. Хороший вопрос, который стоило бы задать и некоторым современным публицистам.

Необходимо также учитывать, что летом 1939 г. советские войска вели тяжелые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. По этому поводу временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 г. сообщал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь»¹¹.

¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 363.

² Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... Т. 2. С. 403.

³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: сб. материалов: в 2 т. М., 1981. Т. 2: Январь–август 1939 г. С. 168.

⁴ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... Т. 2. С. 192–193.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Там же. С. 212.

⁷ Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М., 1972. С. 301.

⁸ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 279.

⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 588.

¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война... Т. 1. С. 212.

¹¹ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 322.

Отношения между Третьим рейхом и его дальневосточным союзником оказались изрядно подпорчены. Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США. Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против Советского Союза.

Таким образом, заключив 19 августа 1939 г. советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа — пакт Молотова–Риббентропа, СССР тогда смог отодвинуть на некоторое время войну от своих границ.

Советское руководство учитывало, что изложенные Гитлером еще в 1925 г. на страницах «Майн Кампф» идеи об «обращении на Восток» и расширении немецкого жизненного пространства за счет Советского Союза неоднократно повторялись им как до прихода к власти, так и после. Однако в «ступенчатой программе» агрессии (как ее назвал немецкий историк А. Хилльгрубер) Гитлеру предстояло пройти ряд этапов до осуществления своего плана «разгрома большевизма». Но даже в период действия советско-германского договора он неоднократно говорил о том, что «его внешняя политика и в дальнейшем будет направлена к тому, чтобы разгромить большевизм» (свидетельство адъютанта Гитлера полковника Н. фон Белова). Обосновывая перед генералитетом 22 августа 1939 г. заключение пакта Молотова–Риббентропа, Гитлер заявил, что, «тем не менее, позже разгромит СССР».

В аргументации сторонников отделения Прибалтики от СССР, как в 1990-е гг., так и в настоящее время, наиболее часто используется утверждение, что договор от 23 августа 1939 г. привел к «советской аннексии» Эстонии, Латвии и Литвы, то есть активно эксплуатируется тезис о советской оккупации. Обращает на себя внимание, что нижняя хронологическая граница для периода оккупации относится при этом к летним месяцам 1940 г., то есть ко времени принятия парламентами государств Балтии актов о присоединении к СССР. В силу этого даже крайняя ангажированность эстонских, латвийских и литовских историков не позволяет им видеть в факте ввода войск акт оккупации, тем самым косвенно признавая его объективную обусловленность. Трудно отрицать и тот факт, что советская сторона исключительно корректно выполняла статьи пактов о взаимопомощи, не допуская вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь балтийских государств.

Подписание соглашений с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о создании на территории государств Балтии советских военных баз становилось именно такими гарантиями не только в собственно военной сфере, но и в политической, поскольку эти соглашения воспрепятствовали процессу военно-политического сближения этих стран с Германией.

Черчилль, указывая на жизненную необходимость для СССР улучшить свои стратегические позиции в преддверии войны с Германией, отмечал: «Им (Советам) нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то

она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»¹.

При оценке факта ввода советских войск на территорию Прибалтийских государств следует учитывать, что мировым сообществом в то время происшедшее было воспринято с пониманием как объективно вынужденная мера, а не проявление экспансионистских замыслов. Отстраненно наблюдать, как Прибалтика быстро превращается в зону исключительно германского влияния со всеми вытекающими из этого последствиями, советское политическое руководство не могло.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 г., используемый в Прибалтийских государствах в качестве основы для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР в тайном сговоре, в результате которого Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР (причем вошли, следует отметить, по просьбам их правительств и парламентов, добровольно), с точки зрения международного права был абсолютно правомочен.

Договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. по сути являлся договоренностью «о невмешательстве Германии и СССР в пределы определенных государств или территорий»². Так, объявление Литвы и значительной части Польши «сферой влияния» Германии, в практике отношений СССР и Германии «могло означать, что СССР не начнет войны, если германские войска войдут на территорию этих стран»³.

Советское руководство, заключив новые соглашения о размещении дополнительных контингентов советских войск и сил флота в июне 1940 г. в дополнение к ранее заключенным соглашениям осени 1939 г., ввело войска и начало осваивать новые оборонительные рубежи в преддверии нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Ради исторической правды надо сказать, что немалая ответственность за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых» странах Европы. Романтическая вера в справедливость и защиту со стороны западных демократий, заигрывание вместе с тем с фашистской Германией, антисоветская зашоренность превратили их на некоторое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий⁴. Последующие трагические события показали, к каким тяжелым последствиям может привести следование историческим стереотипам. Соответственно, немалая опасность кроется и в создании новых мифологем о событиях 1930-х гг. в наши дни.

¹ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы... С. 322.

² Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М., 2007. С. 232.

³ Там же. С. 233.

⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. М., 2002. Т. 2: 1917–2002 гг. С. 255.